

УДК 94(470) + 94(510)

О ХАРАКТЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ В СИНЬЦЗЯНЕ В 1918–1920 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬДЖИНСКОГО ОКРУГА)

Шеметова Т.А.

*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»,
Барнаул, e-mail: ist-vi@uni-altai.ru*

Октябрьская революция и гражданская война не только раскололи российское общество, но и радикально изменили работу государственных органов, включая внешнеполитическое ведомство. Консулы царской России в большинстве своём отказались признать советскую власть и стали сотрудничать с Временным, а затем с Омским колчаковским правительствами. В таком же формате продолжили свою работу и российские консульства в китайской провинции Синьцзян. После начала гражданской войны усилилась борьба между большевиками и белогвардейскими правительствами за влияние на китайскую администрацию Синьцзяна. Острая нужда в сырьевых ресурсах и продовольствии вынуждала каждую из противоборствующих сторон прилагать все возможные усилия для привлечения руководства провинции на свою сторону в качестве союзника и торгового партнера. В этой ситуации роль продолжавших выполнять свои обязанности консулов, которые хорошо знали ситуацию в Синьцзяне и сохраняли серьёзное влияние на губернатора и его окружение, возрастала. Илийский край, в столице которого, г. Кульдже, действовало одно из пяти российских консульств, по ряду причин стал наиболее сложным участком для российских дипломатов. Поэтому именно в Кульджинском округе произошло наиболее острое столкновение интересов представителей Временного, сибирского, затем колчаковского правительств и Советской России. А деятельность консула В.Ф. Любы стала объектом пристального внимания и противоборствующих сил в России, и властей провинции. Однако нужно признать, что до середины 1919 года деятельность консула в Кульдже была достаточно успешной по всему спектру поставленных перед ним задач.

Ключевые слова: консульства, Синьцзян, СССР, Кульджа, Люба В.Ф.

ON THE NATURE OF THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN CONSUL IN XINJIANG IN 1918–1920. (FOR EXAMPLE KULDJA DISTRICT)

Shemetova T.A.

Altai State Pedagogical University, Barnaul, e-mail: ist-vi@uni-altai.ru

The October Revolution and the Civil War, not only split the Russian society, but also radically changed the work of state bodies, including the Foreign Ministry. Consuls of tsarist Russia for the most part refused to recognize the Soviet regime and began to cooperate with the time, and then with the Omsk Kolchak government. This same format have continued their work and the Russian Consulate in the Chinese province of Xinjiang. After the outbreak of the civil war intensified the struggle between the Bolsheviks and the White Guard governments to influence the Chinese administration of Xinjiang. The acute need for raw materials and food forced each of the warring parties to make every effort to attract provincial government on its side as an ally and trading partner. In this situation, the role continues to perform his duties of consuls, who knew the situation in Xinjiang, and kept a serious impact on the governor and his entourage, increased. Ili region, in the capital city of Gulja which operated one of the five Russian consulates, for some reason has become the most difficult section for Russian diplomats. Therefore, it is in Kulja district was the sharpest clash of interests between the representatives of the Interim, Siberian, then Kolchak government and Soviet Russia. And the activities of the consul V.F. Lyuba has become the object of attention and the opposing forces in Russia and the provincial authorities. However, we must admit that until the middle of 1919 the activities of consul in Gulja was quite successful for the whole spectrum of its tasks.

Keywords: consulates, Xinjiang, the USSR, Yining, Luba V.F.

Октябрьская революция и гражданская война не только раскололи российское общество, но и радикально изменили работу государственных органов, включая внешнеполитическое ведомство. Консулы царской России в большинстве своём отказались признать советскую власть и стали сотрудничать с Временным, а затем с Омским колчаковским правительствами [2, 3]. В таком же формате продолжили свою работу и российские консульства в китайской провинции Синьцзян. «Это были опытные дипломаты, «старые синьцзянцы», люди,

хорошо владевшие ситуацией, знавшие китайский язык, имевшие широкие связи в торговых кругах и правительстве провинции», потому необходимые новым российским властям [17].

Деятельность бывших царских консулов в Синьцзяне в постреволюционный период рассматривали в своих работах многие известные исследователи в контексте анализа причин, сдерживавших процесс становления советско-синьцзянских связей, и лишь некоторые из историков затрагивали вопросы взаимодействия консульств

с белогвардейскими правительствами (подробно см. работы В.А. Бармина, А.П. Петрова – Т.Ш.). Однако проблемы, которые возникали в отношениях между дипломатическими представительствами в провинции и белогвардейцами, остались вне поля зрения исследователей. Между тем анализ архивных источников, ставших доступными исследователям в последние годы, даёт основание утверждать, что деятельность российских консульств в период проведения губернатором Синьцзяна Ян Цзэнсином так называемой «политики нейтралитета» (1918–1920 гг.) являлась более многогранной и сложной, чем это принято считать. В связи с этим необходимо уточнить и скорректировать некоторые аспекты этой деятельности.

После начала гражданской войны усилилась борьба между большевиками и белогвардейскими правительствами за влияние на китайскую администрацию Синьцзяна. Острая нужда в сырьевых ресурсах и продовольствии вынуждала каждую из противоборствующих сторон прилагать все возможные усилия для привлечения руководства провинции на свою сторону в качестве союзника и торгового партнера.

В этой ситуации роль продолжавших выполнять свои обязанности консулов, которые хорошо знали ситуацию в Синьцзяне и сохраняли серьёзное влияние на губернатора и его окружение, возрастала. С одной стороны, они должны были с учетом сложившейся обстановки отстаивать позиции страны и тех политических сил, чьи интересы на тот момент представляли (в означенный период это Омское правительство Колчака, который объявил себя Верховным правителем России). С другой, не обостряя отношений с властями провинции, противодействовать работе советских представителей.

Илийский край, в столице которого г. Кульдже, действовало одно из пяти российских консульств, по ряду причин стал наиболее сложным участком для российских дипломатов. Прежде всего, это было связано с тем, что он имел самый протяженный участок границы с Россией и в дореволюционный период был практически полностью зависим от нее в экономическом плане. Кроме того, на его территории была сконцентрирована основная масса беженцев из российских пределов после известных событий 1916, и особенно 1917 гг. [4, 16]. Поэтому именно в Кульджинском округе произошло наиболее острое столкновение интересов представителей Временного, сибирского, затем колчаковского правительств и Советской России. А деятельность консу-

ла В.Ф. Любы стала объектом пристального внимания и противоборствующих сил в России, и властей провинции.

Условно работу российских консулов в Синьцзяне можно разделить на два этапа. Первый – до лета 1919 года, т.е. до начала разгрома белогвардейских сил в Сибири и в регионе Средней Азии и перехода некоторых крупных отрядов белого движения через границу в пределы Синьцзяна. Второй этап завершается 18 сентября 1920 года, после принятия китайским правительством решения о прекращении деятельности миссии и консульств царского правительства [1, 15].

В первый период основными задачами консульства стала поддержка беженцев, поток которых в провинцию с началом революции и гражданской войны резко увеличился.

Кроме того, консулы всеми силами пытались противодействовать вмешательству китайских властей в отношении с русско-подданными и представителями Советской России, которые с весны 1918 года активизировали свою деятельность в Синьцзяне. Советские эмиссары пытались наладить поставки из провинции продуктов питания, обмундирования для нужд армии и приграничного населения.

Одновременно с этим В.Ф. Люба и его соратники прилагали старания к содействию представителям Временного правительства в Туркестане и Сибири, а с ноября 1918 года – Омского правительства А.Ф. Колчака в выстраивании политических и торговых отношений с властями провинции. Спектр помощи противникам большевиков со стороны консульств был довольно широким. Они снабжали их продовольствием, обмундированием, деньгами, пополняли людскими ресурсами. Однако основной своей задачей консулы и прежде всего В.Ф. Люба считали «прекращение большевистской деятельности» в Синьцзянской провинции [14]. С этих позиций и выстраивалась их работа.

Летом 1919 года ситуация на фронтах изменилась. Войска Колчака потерпели ряд поражений, и часть из них стала откатываться по всей линии фронта на Восток – к границам Синьцзяна. В связи со сложившимся положением дел перед консулом в Кульджинском округе были поставлены новые задачи (прежние направления его деятельности также оставались актуальными – Т.Ш.). Их сформулировал в телеграмме от 4 июля 1919 года Посланнику в Пекине И.А. Кудашеву Управляющий министерством И.И. Сукин: «Консульство в Кульдже должно служить центром для объединения

и направления деятельности всех военных и иных организаций, находящихся сейчас или имеющих возникнуть в Илийском крае» [12]. Для большей оперативности планировалось установить прямую, постоянную телеграфную и почтовую связь с Омском основных округов Синьцзяна, а также работавшими там консулами: Долбежевым (Чугучак), Люба (Кульджа) и Дьяковым (Урумчи). С этой целью и для расширения разведывательной деятельности в провинцию был откомандирован офицер разведотдела, прапорщик Сидельников Анатолий Николаевич [18, 2].

Возросшая роль Кульджинского консульства как консолидирующего центра в борьбе против большевиков во многом меняла требования к личности консула. Прежде всего, он должен был устраивать все антибольшевистские силы, находившиеся в приграничных российских пределах, на территории Синьцзяна, а также центральные китайские власти и администрацию провинции. На это тоже указывал в своей телеграмме И.А. Кудашеву И.И. Сукин: «...необходимо, чтобы во главе консульства стояло лицо, пользующееся общим доверием». Действующий консул В.Ф. Люба, по его мнению, на тот момент уже не отвечал данному требованию «...ввиду резко отрицательного отношения к нему китайских властей» (имеются ввиду власти провинции), а именно на их экономическую и политическую поддержку в борьбе с большевиками надеялись белогвардейцы [12]. Во-первых, китайцы были недовольны его бескомпромиссной борьбой против большевиков в Синьцзяне, т.к. из торговли с последними они «извлекали немалые выгоды». Во-вторых, боялись спровоцировать советские власти на ответные действия, включая «репрессии большевиков над проживающими в Туркестане китайцами» и военное вторжение [10]. Еще в конце мая 1919 года И.А. Кудашев писал И.И. Сукину о «враждебности к Люба местных властей, запуганных к тому же близостью большевиков и их угрозами» [8]. Конечно, подобное объяснение причин поведения китайской администрации несколько субъективно, но не безосновательно. Нарушение границы и противоправные действия в отношении синьцзянских купцов отмечались с обеих сторон. Между тем ситуация ещё больше обострилась после перехода части белогвардейских войск на территорию провинции и участвовавшим в связи с этим «провокациями против советов».

Не было расположено к В.Ф. Люба и Центральное китайское правительство из-за его позиции к установлению автономии внешней Монголии. Поэтому китайцы обратились к российскому Посланнику в Пекине с просьбой «заменить Люба другим лицом в Кульдже» [8]. Сложно складывались отношения консула и с оппонентами большевиков – белогвардейцами.

Выяснялись претензии к работе консульства в Кульдже со стороны военных. Анализ источников показывает, что конфликтная ситуация сложилась между В.Ф. Люба и Б.В. Анненковым. Атаман обвинял консула в недостаточной борьбе против большевиков на территории провинции. Недоразумения возникли и по вопросам финансирования проводимой представителями белогвардейцев в Синьцзяне мобилизации таранчей, а также по поводу организации этого мероприятия.

Недовольство деятельностью В.Ф. Любы высказывали и другие представители белогвардейцев. В частности, за то, что он осуждал их рейды с территории Синьцзяна в российское приграничье. Кроме того, согласно документам, консул был против «устройства казаками базы для налетов ...на китайской территории», призывал, чтобы «на будущее время набеги не повторялись и не нарушалось спокойствие на границе» из-за «возможного набега красноармейцев на китайский пост» [5]. Так, управляющий российским консульством в Кульдже после получения очередного протеста от Чжен шоуши (начальника по охране границы в Синьцзяне) по поводу грабежа жителей сопредельных с округом территорий потребовал от представителей белогвардейских войск «...осторожного отношения к населению» и рекомендовал «сделать распоряжение о выдаче отрядом квитанций на реквизируемый им скот и имущество и о возвращении киргизам хотя бы овец и коров с приплодами» [6]. Конечно, нельзя упрекать Люба в «сочувствии к советам». Понятно и то, что местная китайская администрация, как уже отмечалось, боялась большевиков, но в то же время вела с ними активную торговлю и поэтому не хотела конфликтов, выступая против провокаций, устраиваемых белогвардейцами на сопредельной российской территории. Белогвардейцы также старались не «раздражать» власти провинции, так как искали у них поддержку, особенно после перехода части белогвардейских войск на территорию Китая летом 1919 года. Об этом свидетельствуют архивные источники. Вместе с тем консулу в Кульдже было

необходимо выполнять поставленные перед ним задачи и при этом соблюдать интересы всех участников процесса: местных китайских властей, своих работодателей – белогвардейских правительств и представителей всей неоднородной массы российской оппозиции, не находившей взаимопонимания даже между собой. Вследствие этого между ними периодически возникали трения по тем или иным вопросам.

Неоднозначно складывались взаимоотношения В.Ф. Люба и с объявившим себя Верховным правителем Российского государства – А.В. Колчаком, который «неоднократно говорил, что имеет основание не доверять ему», особенно после письма Анненкова с жалобой на консула [11]. Анализ источников свидетельствует, что интересы Колчака и Управляющего Консульством в Кульдже сталкивались по целому ряду проблем. В частности, они касались источников финансирования сформированных в Синьцзяне отрядов таранчей, обеспечения материальной поддержки их семей, а также оказания помощи беженцам. Для осуществления данных мероприятий консульство использовало средства из различных источников, но в основном из сумм, причитавшихся России в качестве вознаграждения за убытки, понесенные при подавлении восстания ихэтуаней в Китае в период с 1899 по 1901 гг. Эти суммы были большими, и правительство Колчака настойчиво пыталось установить над ними свой контроль.

Например, когда представителям атаманов Б.В. Анненкова и С.И. Розова было разрешено сформировать в Синьцзяне отряды, то они подняли перед Любой вопрос о финансировании не только этой операции, но и необходимости снабжения «семей отправляемых (имеются ввиду таранчи) установленным правительством пайком в 100 рублей каждой». Сумма получалась достаточно солидная, и Люба телеграфировал в Пекин: «Прошу немедленно снабжения консульства для этой цели через Чугучак авансом на 1 месяц, примерно 400 семей» [7]. Деньги поступили, но колчаковское правительство было недоволено сложившейся схемой поступления финансов и порядком распределения, который осуществлялся не через Омск, а напрямую – консулом. Еще с большей «неохотой» омские власти «компенсировали» затраты консульства на решение поставленных перед ними задач из своих фондов. По их мнению, Люба должен самостоятельно изыскивать необходимые средства. Но это было возможно только путем их конфискации у большевиков или организаций «заподозренных»

в принадлежности к ним. Консул использовал эту возможность и направлял полученные деньги на финансирование отрядов и помощь беженцам. В ходе всех этих операций возникали весьма сложные ситуации с определением принадлежности средств. Например, как это произошло с конфискованными 1662930 руб. у кооперативов. Принадлежность этих кооперативов к большевикам не была доказана, и деньги находились в консульстве до полного выяснения обстоятельств. Однако Люба выделил на нужды беженцев около 400 тыс. руб. в расчете на их возмещение из военного фонда правительства Колчака, о чем он в донесении уведомил адмирала. Тем самым он окончательно испортил с ним отношения [9].

После целого ряда поражений в гражданской войне белогвардейцы стали остро нуждаться в поддержке Синьцзянского дучзюна (губернатора). Поэтому прежние методы отстаивания российских интересов Кульджинским консулом уже не подходили. Открытого противостояния с властями провинции белогвардейцы не хотели. Поэтому, несмотря на многочисленные обращения в поддержку В.Ф. Любы, сартов ферганского общества, живших в Кульдже (сарт – исконно оседлое население Средней Азии), торговцев – таранчей (уйгуров, переселенные маньчжурами в 1759 году в Илийскую долину, стали называть таранчи («земледельцы») и дунган (дунгане – это китайскоязычные мусульмане Синьцзяна) и даже Анненкова, по настоянию Колчака консул в Кульдже покинул свой пост, по существу став «разменной фигурой» во взаимоотношениях колчаковского правительства с дучзюном Синьцзяна [13]. Отставка Любы позиционировалась как перевод на новую должность, а не результат «давления» китайских властей, но проигрыш антибольшевистских сил на этой стезе был очевиден. Окончательная точка в работе консульств бывшей царской России в Синьцзяне была поставлена в сентябре 1920 года в связи с их закрытием по решению пекинских властей.

Однако нужно признать, что до середины 1919 года деятельность консула в Кульдже была достаточно успешной по всему спектру поставленных перед ним задач. Этот факт иллюстрируют таможненные данные о товарообороте белогвардейцев с провинцией, а также провал политики большевиков в установлении систематических политических и торговых отношений с провинцией в указанный период.

Список литературы

1. Архив МИД. Ф. 0/100в. Оп. 4. П.4. П.102. Д. 5. Л. 15.
2. Бармин В.А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сб. научных статей. Памяти Б.П. Гуревича. – Барнаул, 2006. – С. 243–254.
3. Бармин В.А. К вопросу о сотрудничестве бывших консулов царского и временного правительств России в Синьцзяне с белогвардейским движением // Центральная Азия и Сибирь: Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. – Барнаул, 2003. – С. 172–177.
4. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. – М., 1960. – 796 с.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 200. Оп. 1. Д. 322. Л. 47.
6. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 322. Л. 48.
7. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 322. Л. 71.
8. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 422. Л. 3.
9. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 450. Л. 1.
10. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 450. Л. 14.
11. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 456. Л. 1.
12. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 456. Л. 16.
13. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 456. Л. 16, 22.
14. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 459. Л. 25.
15. История дипломатии. Т. 3. – 2-е издание. – М.: Госполитиздат, 1965. – 834 с.
16. Моисеев В.А. Россия в Центральной Азии и Китае. – Барнаул, 2003. – 346 с.
17. Петров А.П. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. – М.: Изд-во «Крафт+», 2003. – 528 с.
18. Российский государственный военный архив. Ф. 34504. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.

References

1. Arkhiv MID. F. 0/100v. Op. 4. P.4. P.102. D. 5. L. 15.
2. Barmin V.A. Vzaimootnosheniya rossiyskoy diplomaticheskoy missii i poddannyykh Rossii v Sintszyane s belym dvizheniyem // Aktualnyye problemy Tsentralnoy Azii i Ki-

taya: istoriya i sovremennost. Sb. nauchnykh statey. Pamyati B.P. Gurevicha. Barnaul, 2006. pp. 243–254.

3. Barmin V.A. K voprosu o sotrudnichestve byvshikh konsulov tsarskogo i vremennogo pravitelstv Rossii v Sintszyane s belogvardeyskim dvizheniyem // Tsentralnaya Aziya i Sibir: Pervyye nauchnyye chteniya pamyati Ye.M. Zalkinda. Barnaul, 2003. pp. 172–177.
4. Vosstaniye 1916 goda v Sredney Azii i Kazakhstane: sbornik dokumentov. M., 1960. 796 p.
5. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 200. Op. 1. D. 322. L. 47.
6. GARF. F. 200. Op. 1. D. 322. L. 48.
7. GARF. F. 200. Op. 1. D. 322. L. 71.
8. GARF. F. 200. Op. 1. D. 422. L. 3.
9. GARF. F. 200. Op. 1. D. 450. L. 1.
10. GARF. F. 200. Op. 1. D. 450. L. 14.
11. GARF. F. 200. Op. 1. D. 456. L. 1.
12. GARF. F. 200. Op. 1. D. 456. L. 16.
13. GARF. F. 200. Op. 1. D. 456. L. 16, 22.
14. GARF. F. 200. Op. 1. D. 459. L. 25.
15. Istoriya diplomatii. T. 3. 2-ye izdaniye. M.: Gospolitizdat, 1965. 834 p.
16. Moiseyev V.A. Rossiya v Tsentralnoy Azii i Kitay. Barnaul, 2003. 346 p.
17. Petrov A.P. Myatezhnoye «serdtse» Azii: Sintszyan: kratkaya istoriya narodnykh dvizheniy i vospominaniya. M.: Izdatelstvo «Kraft+», 2003. 528 p.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv. F. 34504. Op. 1. D. 30. L. 104.

Рецензенты:

Труевцева О.Н., д.и.н., профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул;

Бармин В.А., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул.